

Он опустил голову, молча перебирая струны цитры. Однообразные звуки срывались с кончиков пальцев. Ли Жоли постоял рядом, ожидая хоть ласкового слова, хоть нежного взгляда, но, так и не дождавшись, в досаде топнул ногой и вылетел из комнаты, хлопнув дверью.

В помещении снова воцарились холодная тишина и лунный свет, а тяжелое одиночество навалилось со всех сторон, перекрывая дыхание.

На полу валялись сорванные цветы, а на сердце лежал тяжкий груз.

Выйдя из комнаты, Ли Жоли столкнулся со своим личным телохранителем У Цзи, который стоял на страже. Ли Жоли холодно фыркнул:

— Иди сюда, попрактикуемся в фехтовании.

Лунный свет лился, подобно воде; засверкали клинки, замелькали тени.

Меч У Цзи был тяжелым, как железо, и холодным, как лед.

Меч Ли Жоли — быстрым, как удар молнии, и безжалостным.

Сталь столкнулась со сталью, брызнули искры — противники стоили друг друга.

Разница была лишь в том, что Ли Жоли вымещал гнев: каждый его выпад был направлен в атаку, движения — стремительны и легки, словно танец бабочки. У Цзи же держался исключительно в обороне, не нападая, застыв скалой и отбивая удары. Хотя формально это была ничья, мастерство каждого было очевидно с первого взгляда.

После нескольких столкновений Ли Жоли внезапно отбросил меч:

— Хватит. Ты просто поддаешься мне, в этом нет никакого смысла.

Он в сердцах сел за каменный стол посреди двора и уставился в пустоту, глядя на холодный диск луны.

У Цзи подобрал меч и молча встал позади него, не проронив ни слова.

Вдруг Ли Жоли тихо вздохнул:

— Старший брат всегда проводит полночи, глядя на луну. Подолгу глядит. Я никак не пойму, что хорошего в этой штуке, похожей на лепешку? Я спросил его, а он в ответ назвал меня ребенком, который ничего не смыслит в изяществе. Изящество? И какая польза от этого изящества? Спасет ли оно жизнь? Я знаю, что он не любит всю эту борьбу за власть, поэтому взял все на себя, так почему же он всё равно не счастлив? О чем он думает? Почему я никак не могу его понять?

У Цзи сопровождал Ли Жоли почти два года. Будучи мастером боевых искусств, он стал самым

доверенным лицом господина. Ли Жоли никогда не делился ни с кем своими тревогами, но неизвестно, когда это началось — он стал открывать душу только перед ним.

У Цзи негромко ответил:

— Наследный принц и ваше высочество — совершенно разные люди.

— И то верно. Я — тот, кто любит его, а он — тот, кого люблю я. Любить и быть любимым — это изначально разные ипостаси.

Длинные ресницы Ли Жоли опустились, отбрасывая густые тени на его прекрасное лицо, отчего он выглядел изможденным. Он выдавил из себя беспомощную улыбку и внезапно произнес:

— У Цзи, перестань меня любить. Безответная любовь — это очень больно.

Давно скрываемое чувство было внезапно раскрыто, но У Цзи ничуть не смутился. Лицо его осталось невозмутимым, и он лишь спросил в ответ:

— А ваше высочество разве откажется от наследного принца?

— Нет.

— И У Цзи не откажется от вашего высочества. Когда я впервые увидел вас, то уже попал в сети любви. Пусть даже в вашем сердце нет меня, я готов всю жизнь следовать за вами. Ни о чем ином я не прошу.

— Ни о чем ином не просишь? Ха-ха, ты и впрямь человек, свободный от желаний, а я — нет. Я хочу, чтобы старший брат любил меня так же, как я люблю его. Но он никогда не говорил мне: «Я люблю тебя». Тот, кто постоянно говорит эти слова, — всегда я.

Ли Жоли тряхнул головой, отгоняя все мысли, и спросил серьезно:

— Не будем об этом. Скажи, как продвигается то, что я поручил тебе подготовить? Все люди на месте? Все готово?

У Цзи ответил:

— Можете не беспокоиться, ваше высочество.

Ли Жоли кивнул:

— Император У-ди скоро испустит дух. Как только он умрет, мы начнем.

Они еще долго обсуждали важные дела. Когда Ли Жоли отправился на покой, У Цзи вернулся в свою комнату. Проходя мимо покоев Ли Цзишэна, он услышал доносившиеся изнутри мелодичные, но полные печали звуки цитры и грустное пение. Он остановился и долго слушал. В его пронизательных глазах промелькнула жалость. Слабохарактерный, но добрый наследный принц, похожий на слезинку в капле дождя, и страстный, деятельный Ли Жоли, подобный сияющей луне — даже любя друг друга, они не могли донести свои чувства. Даже находясь на

расстоянии вытянутой руки, они не могли коснуться друг друга.

Пусть даже в вашем сердце нет меня, я готов всю жизнь следовать за вами. Ни о чем ином я не прошу.

Он усмехнулся над самим собой: какая красивая ложь. Когда любимый человек прямо перед тобой, разве можно ни о чем не просить?

Десять дней спустя глубокой ночью Император У-ди скончался.

На одиннадцатый день утром всех принцев призвали во дворец. Была зачитана предсмертная воля — престол передавался наследному принцу Ли Цзишэну. Двадцать седьмой принц Ли Жоли поднял мятеж, убил второго принца и еще тридцать четыре взрослых принца. Наследный принц чудом спасся. Родственник императора по матери Сюй Чи подавил восстание, убил двадцать седьмого принца и возвел наследника на престол — так он стал Императором Шэн-ди.

Все это занесено в исторические хроники.

Но правда того дня навсегда скрылась в прошлом, оставшись лишь в памяти немногих очевидцев.

В тот день в Зале Чжэнхэ главный евнух зачитал волю Императора У-ди: низложить наследного принца и передать престол пятому принцу. Сюй Чи объявил этот документ подделкой, составленной пятым принцем, и предъявил другую волю, согласно которой престол доставался наследнику. Чья воля была подлинной — никто не мог сказать. Пока в зале царил хаос, Ли Жоли внезапно окружил Зал Чжэнхэ войсками и устроил кровавую бойню. Никто из взрослых принцев не избежал смерти.

Ворвать сорняки с корнем!

Ли Цзишэн был в полном оцепенении. Он пытался удержать Ли Жоли, умоляя о пощаде, но тот оттолкнул его и сурово бросил в лицо:

— Я делаю это только ради тебя!

Ли Цзишэн закрыл лицо руками, сквозь пальцы катились слезы. Нет, он не просил их убивать ради него, мारать руки кровью — никогда! Почему люди всегда используют его как оправдание, чтобы безжалостно причинять вред невинным?

Ли Жоли стоял в зале, стройный и гордый, с кончика его меча капала кровь. Зал был залит ею, повсюду слышались стоны, что лишь подчеркивало его ослепительную красоту. Вскоре слезы застлали Ли Цзишэну глаза.

Его слабый голос не мог достигать до ушей человека, опьяненного жаждой власти.

Ли Жоли, раздраженный непрекращающимися мольбами Ли Цзишэна и зная о его

мягкосердечности, приказал увести его в задние покои.

Этот план они с Сюй Чи вынашивали давно, а с помощью У Цзи все было продумано до мелочей.

Закончив дела в передней части дворца, Ли Жоли переоделся в чистую одежду и, вновь приняв вид улыбающегося юного принца, помчался в задние покои к Ли Цзишэну. Войдя в комнату, он увидел Ли Цзишэна, который сидел, опустив голову. Ли Жоли радостно бросился к нему:

— Старший брат, почему ты все еще грустишь? Я уже все устроил для тебя, почему бы тебе не выйти в передний зал и не принять поклоны? Ты...

Его слова оборвались. Он с недоверием уставился на кинжал в руках Ли Цзишэна.

Лезвие кинжала по самую рукоять ушло ему в грудь.

Яркий «цветок» крови расцвел на его груди, растрачивая всю красоту жизни и пожирая всю любовь.

Как это возможно? Как?!

Сердце кричало, любовь истекала кровью, но в ответ раздались жестокие слова:

— Благодарю тебя, Лили. Спасибо, что два года был злодеем за меня, что взял на себя славу убийцы собственных братьев. Теперь, когда я восхожу на престол, это стало достойной платой за то, что я столько лет заботился о тебе.

Не может быть! Не может! Восемь лет заботы, два года любви — неужели все это было лишь расчетом и обманом?

Тьма постепенно поглощала всё. Его волосы дернули вверх, заставляя поднять голову. Он смотрел, как на губах Ли Цзишэна играет незнакомая, до ужаса жестокая усмешка, и сердце сжималось от такой боли, что невозможно было дышать.

— Мальчишка, ради этого дня я терпел тебя два года. Твой час пробил!

Ли Цзишэн с силой надавил на кинжал, вогнав его еще глубже. Кровь хлынула из уст Ли Жоли вместе с двумя дорожками прозрачных слез.

Почему? Почему? Кем я был для тебя, если отдавал всю свою любовь?

Сознание угасало в раздирающей душу скорби. Смерть была всего в одном шаге.

В полузабытьи он почувствовал, как упал в крепкие, теплые объятия. Мощный стук сердца был отчетливо слышен.

Это не старший брат. Его грудь всегда была такой холодной, в ней всегда таилась непонятная печаль. Его сердце я никогда не мог постичь...

Ли Цзишэн с тревогой ждал в задних покоях. Несколько раз он пытался прорваться в передний зал, но стража силой удерживала его. Наконец он обессиленно опустился на пол. Поздно. Сейчас в переднем зале, должно быть, текут реки крови, все убиты.

Время шло безжалостно. Наконец дверь открылась. Он поднял голову, но увидел лишь дядю Сюй Чи.

— Где Лили? — спросил он.

Сюй Чи холодно усмехнулся:

— Нет больше никакого Лили. Есть лишь двадцать седьмой принц, казненный за измену. Вставайте, вам пора принять поклоны чиновников и взойти на престол.

Всегда учтивый и мягкий, он вдруг обезумел, вцепился в Сюй Чи и закричал:

— Что ты сделал с Лили? Что?! Где он? Где?! Я хочу его видеть! Позволь мне увидеть его!

— Поздно, — усмехнулся Сюй Чи. — Твоя мать еще при жизни подготовила этот ход. Она знала, что если она уйдет, Император У-ди ни за что не передаст тебе трон, поэтому приказала мне использовать Ли Жоли, чтобы совершить этот переворот и устранить всех, кто мешал тебе. Она также подкупила величайшего мастера перевоплощений Чжэн Шуана, чтобы после успеха тот принял твой облик и, когда Ли Жоли не будет ожидать удара, убил его. Тогда вся вина за братоубийство падет на него, а ты станешь чистым и непорочным императором.

— Ты хочешь сказать... Лили... мертв? — с трудом выдавил он.

Сюй Чи нахмурился:

— Неизвестно. Чжэн Шуан уже почти добился успеха, но один из приспешников Ли Жоли ворвался и спас его. Чжэн Шуан получил удар в грудь и скончался на месте. Не знаю, что это за человек, но мастерство его поразительно: даже вся императорская стража не смогла его остановить, и он легко скрылся. Но Ли Жоли получил удар мечом в грудь, так что, скорее всего, он не жилец. Я уже приказал заблокировать город и обыскать каждый дом. Мы найдем его.

Ли Цзишэн словно не понимал слов Сюй Чи. Он лишь отрешенно повторял:

— Лили... Лили...

Эти призывы звучали бесконечно нежно и болезненно. Он ненавидел себя за то, что был слишком застенчив и не сказал «люблю» раньше; ненавидел за то, что не дал ему больше счастья; ненавидел за свою неловкость, из-за которой не смог выразить свои чувства, заставляя его постоянно сомневаться. Ненавидел за то, что оказался таким трусом и не смог защитить его, позволив ему погибнуть из-за себя.

Сюй Чи оставался равнодушным:

— Какой еще Лили? Еще два года назад твоя мать начала подозревать его и отправила меня разузнать о его прошлом. Как она и предполагала, этот мальчишка...

Не успел он закончить, как за дверью сообщили, что Сюй Чи срочно ждут в переднем зале. Сюй Чи, не успев договорить, вышел. Перед уходом он приказал слугам следить за племянником, опасаясь, что тот в приступе чувств натворит глупостей.

Из комнаты внезапно донесся истошный, полный кровавых слез крик:

— Лили!

* * *

Глубокой ночью человек в черном бесшумно пробрался во дворец. Несмотря на множество стражников и строгую охрану, для него это не было преградой. Несколько прыжков по крышам — и он оказался в покоях Императора Шэн-ди.

Это был бывший «У Цзи», а на самом деле глава секты демонов Бай Уцзи.

В тот день, когда Ли Жоли был ранен, он спас его. Сюй Чи заблокировал город, но для могущественного главы секты это не было проблемой. Он спрятал Ли Жоли и вызвал величайшего врача Сюй Цзимао, который буквально вытащил его с того света.

Однако после пробуждения Ли Жоли стал словно мертвым. Целыми днями он молчал. Даже когда Бай Уцзи раскрыл ему свою истинную личность, на его лице не дрогнул ни единый мускул.

Его сердце было убито мечом любимого человека, и даже лучший врач мира не мог его воскресить.

Сегодня Ли Жоли наконец заговорил. Первым делом он попросил Бай Уцзи привести Ли Цзишэна. Хотя Бай Уцзи согласился, на душе у него было тяжело.

В тот день, увидев, что Ли Цзишэн хочет убить Ли Жоли, он нанес удар и убил его на месте. После этого дворец был полностью заблокирован, власть взял Сюй Чи, а поползли слухи, что новый император болен, поэтому церемония коронации постоянно откладывается.

Бай Уцзи догадывался, что Сюй Чи скрывает смерть Ли Цзишэна, чтобы удержать власть, и что-то замышляет. Ему не было дела до придворных интриг, но он не знал, что сказать Ли Жоли. Беспокоясь о его не до конца зажившем ранении, он не осмеливался сказать правду, опасаясь, что это его добьет.

Приближаясь к покоям императора, Бай Уцзи понимал: всё, что там можно найти — это гроб с телом Ли Цзишэна.

Вдруг его стремительные движения замерли. В ночной тишине отчетливо донеслись знакомые звуки цитры и пение.

Он жив? Как это возможно?

Ли Цзишэн, почти обезумевший от горя по Ли Жоли, уже много дней был заперт Сюй Чи в своих покоях. После приступов гнева, печали и рыданий его мысли и чувства застыли. Он без устали, день и ночь, механически играл на цитре. Пальцы были стерты в кровь, которая капала на инструмент, но он этого не чувствовал, продолжая играть. Если бы он перестал, то боялся, что сойдет с ума из-за своей потери.

В этот момент перед его глазами возник человек в черном. Он смутно узнал в нем телохранителя Ли Жоли. Человек о чем-то спросил, он что-то ответил, а затем почувствовал укол — нажатие на акупунктурную точку — и потерял сознание.

Очнувшись, он оказался в незнакомой комнате. Точки не были сняты, он не мог двигаться и говорить. Лежа на холодном полу, он, всегда трусливый, теперь не чувствовал страха. Лили больше нет, это его трусость погубила его, и ему давно пора было отправиться вслед за ним.

В этот момент его тело содрогнулось. Перед ним появился бледный Ли Жоли.

— Лили... Лили...

Он отчаянно хотел протянуть руку, чтобы убедиться, что это не видение, но не мог.

Ли Жоли присел на корточки, его прохладные пальцы нежно коснулись лица Ли Цзишэна. Слабый голос лишился былой живости:

— Старший брат, почему ты хотел убить меня? Почему ты обманывал меня? Я всегда думал, что ты тот, кто больше всех меня жалеет и любит.

Нет, я не делал этого, Лили. Это не я, поверь!

Он отчаянно боролся, но все было напрасно. Слезы хлынули из его глаз.

Ли Жоли поднял рукав и бережно вытер его слезы:

— Старший брат, не бойся. Я не причиню тебе вреда и не убью. Признаюсь, когда я просил Бай Уцзи украсть тебя, я хотел убить тебя собственными руками. Но увидев тебя, я не смог. Я прикажу ему отпустить тебя. Я просто хотел увидеть тебя еще раз. Старший брат, я очень люблю тебя, ты знаешь?

Знаю, Лили, я тоже люблю тебя. Просто я был таким глупым, что никогда не знал, как об этом сказать.

— Я так люблю тебя, старший брат, но и ненавижу. Насколько сильно люблю, настолько же

сильно ненавижу. Люблю так, что хочу быть с тобой вечность, ненавижу так, что хочу убить тебя, но не могу сделать ни того, ни другого.

Ли Жоли наконец зарыдал. Крупные слезы падали на лицо Ли Цзишэна, обжигая его.

Ли Цзишэн содрогался в рыданиях, его сердце разрывалось от отчаяния, что он не может вымолвить ни слова.

Спустя долгое время Ли Жоли вытер слезы и равнодушно произнес:

— Старший брат, позволь мне в последний раз назвать тебя «старшим братом». Ты обманул меня, но и я обманул тебя. Я вовсе не двадцать седьмой принц. Моя мать была сумасшедшей служанкой в Холодном дворце, меня изнасиловал какой-то охранник, я родился без имени и роду, никому не нужный, вырос среди грязи. Настоящий Ли Жоли умер за много лет до того, как ты пришел за ним. Тогда ты сказал, что заберешь меня, и улыбнулся, распахнув объятия. Я хотел броситься к тебе, хотел уйти с тобой, поэтому обманул, сказав, что я — Ли Жоли. Ты баловал меня, я любил тебя, ты хотел убить меня, а я обманул тебя. Теперь мы квиты. Я больше не ношу фамилию Ли, не увижу тебя и никого из твоего рода. Будем считать, что мы никогда не встречались.

Он решительно отвернулся и сказал Бай Уцзи:

— Увези его.

Не уходи, Лили, не бросай меня одного! Пусть он снимет заклятие, я хочу сказать правду, хочу сказать, как сильно люблю тебя! Кто бы ты ни был, ты — мой самый любимый Лили!

Сердце отчаянно кричало, но он не мог донести эти слова до любимого человека. Он мог лишь смотреть, как Бай Уцзи взваливает его на плечи и уносит прочь.

Позади донесся голос Ли Жоли, подобный тихому плачу:

— Знал бы я, как горька разлука, не отдал бы сердце любви. Не суждено нам быть вместе.

У Ли Цзишэна сердце пронзила острая боль, и он выплюнул полный рот крови.

Это был последний раз, когда он видел Ли Жоли.

На следующий год он случайно встретил среди служанок девушку, не только похожую на Ли Жоли лицом, но и обладавшую тем же сочетанием решительности и чистоты. В тот же день она стала его наложницей, а через год родила сына — Ли Сяня.

На пятьсот двадцать втором году династии Хун тридцатисемилетний Император Шэн-ди скончался от тоски и болезней. Спустя три дня после того, как наследник Ли Сянь вззошел на престол, второй принц Ли Фэн совершил переворот, убил мать Ли Сяня, а сам Ли Сянь бесследно исчез.

К этому мальчику, которого он спас из жалости, Ли Жоли испытывал смесь любви и ненависти. Любовь была глубока, а ненависть остра, но все это предназначалось не ребенку, а мужчине, который когда-то занимал всё его сердце.

Он оставил ребенка в глубоких горах, навещая лишь несколько раз в месяц, чтобы обучить его боевым искусствам и грамоте.

Время летело, десять лет пронеслись в одно мгновение. Ребенок вырос. Его ясные глаза были как жемчужины в море — спокойные, теплые, как весеннее солнце, и чистые, как зимний родник.

Ли Жоли и Бай Уцзи стали парой и ушли в уединение, но в глубине его души осталась рана, которая никогда не заживала. Он знал, что до конца жизни не сможет забыть того человека.

Однажды он услышал, как слуги обсуждали величайшего мастера перевоплощений Чжэн Шуана. Тот погиб в день переворота, и его смерть была окутана тайной. Ли Жоли начал расспрашивать и выяснил, что Чжэн Шуан уже давно состоял на службе у матери Ли Цзишэна, бывшей императрицы Сюй. Будучи проницательным человеком, он заподозрил неладное и потребовал объяснений у Бай Уцзи. Тот не стал скрывать и выложил всё как есть.

Оказалось, что в тот день, когда он по заданию Ли Жоли похищал Ли Цзишэна, он увидел, что тот не только не ранен, но даже не имеет внутренних повреждений. При его силе удара даже человек, не владеющий боевыми искусствами, не мог остаться невредимым. Тогда Бай Уцзи понял: тот, кто действительно хотел навредить Ли Жоли, был совсем другим человеком. Он заставил Ли Цзишэна говорить, и тот, словно лишившись души, выложил всю правду.

Эту правду Бай Уцзи скрыл.

Он специально наложил на Ли Жоли заклятие и привел его к себе, чтобы тот не смог разобраться. А Ли Жоли, будучи в душевном расстройстве, даже не заподозрил подвоха.

— Зачем ты это сделал? — спросил Ли Жоли.

Бай Уцзи криво усмехнулся:

— Я люблю тебя и хочу быть с тобой. Разве этого мало? Я не мог позволить себе отдать тебя другому.

В ту ночь Ли Жоли рыдал без остановки. Он не знал, кого винить, да и не хотел. Он лишь знал, что навсегда потерял старшего брата. Он позволил любимому человеку умереть в одиночестве, и до самой его смерти продолжал ненавидеть его.

На следующий день он отправился к Ли Сяню, сжег хижину, в которой держал ребенка, и отпустил его с гор.

Много лет спустя он с Бай Уцзи навестил Ли Сяня. К тому времени тот уже жил в Усадьбе Кленовых Листьев с отрекшимся от мира Чу Иланем.

<http://bllate.org/book/21139/2144082>